

Проблемы сельской культуры

ТЕАТР В ГОСТЯХ И ДОМА

СТРАДА СЕЛЬСКАЯ и театральная не совпадают. В то время, когда на полях самая работа, в театральных залах в последний раз опускаются занавесы и выступают поря гасролей. Большинство театров стремится в крупные города, на удобные сценки, где хорошие условия для актеров и где есть публика, которую приятно считать театральной. Что ж, из можно понять. Но есть и такие коллективы, что едут летом на нефтяные промыслы, в рыбачьи поселки, на аэропункты и в села. Правда, один спорачивают с асфальтовых шоссе на «дороги местного значения» с созданием своей высокой миссии и желанием доставить радость людям, другие — в расчете на легкий успех у зрителя неспециального, нейболованного выбором развлечений. Поэтому видать одно лишь добро за каждым спектаклем, сыгранным в сельском клубе, не приходится, как бы того ни хотелось.

И можно помянуть жителям многих литовских сел, которые оказывались словно мотрахованными от театральной посредственности: потому что могут часто видеть у себя не просто хороший, а один из самых лучших в нашей стране театров...

Он родился в капчи войны, когда в небольшой город Северной Литвы Паневежис приехала группа увлеченных творческой программой молодого режиссера Йозаса Милантиниса совсем еще юных актеров, чтобы создать свой театр. За эти годы Милантинис вырос в выдающегося режиссера, а его ученики стали незаурядными мастерами, народными и заслуженными артистами.

В театральной среде Паневежский театр стал известен давно; широкую зрительскую, пожалуй, всеобщую известность принесло ему кино. Узнав актеров этого театра благодаря литовским фильмам, их стали приглашать сниматься режиссеры крупнейших киностудий страны. Тогда возпыхла популярность Д. Банюониса, и мы, естественно, заинтересовались: откуда он? Критика стала писать о работах в кино актеров Б. Байкускаса, В. Бладиса, Г. Карки, А. Масюласа... А они откуда? Ответ один — из Паневежиса. Я спросил директора театра,

заслуженного артиста республики Станиса Карловича Космаускаса, кто из паневежских ситимался в последнее время. Он насчитал семь человек и сбился, а названий фильмов вспомнить совсем не мог...

Все годы своего существования, в малозвестности, в став знаменитым, театр каждое лето прокладывает гастроли по Литве, меньше всего стремясь в столицу, хотя и знает, что в Вильнюсе он всегда желанный гость. А разъезды по селам при всем разнообразии и орозовании литовской природой отнюдь не развлечение: оторванность от привычного быта; от семьи, от детей, и не на несколько дней, а на три—три с половиной месяца...

У каждого актера, примера, костюмера, реквизитора, рабочего сцены этого театра есть свой походный чемодан с постелью и своя раскладушка. Вещи эти путешествуют в «театральном обзоре» среди декораций. А поздно вечером там, где только что был сыгран спектакль — на сцене, в зале, фойе, — их расстилают для ночлега. Так и живет труппа почти все лето кочующим «табором». И почему-то любимы это время.

Спектакль — это не просто какая-нибудь более или менее занимательная история, разыгранная в лицах. Это всегда по форме строгий или веселый рассказ о людях, о судьбах, о нравах, о жизни. И чем эти люди интереснее, чем жизненные коллизии сложнее, тем большее мастерства они требуют от актеров и большей внутренней цельности от спектакля. А на чужой сцене он неизбежно несет потери. Эти сцены, как правило, меньше, на ней часто нет полных декораций, смена мест действия происходит медленнее. Иные размеры площадки вносят и коррективы во взаимоотношения партнеров. Неприятна акустика зала, здесь нужно го-

ворить громче или тише. Часть сознания актера отвлечена необходимостью помнить обо всем этом, что стесняет его свободу... И вот уже в спектакле что-то нарушилось, немного потускнела краска, немного утратило выразительность актерское мастерство... Театр знает, что зритель может всего этого не заметить, а заметить, простит, но не ищет снисхождальности. Так что же: играть или не играть? Нет такого вопроса. Играть! И как можно лучше. Ведь у каждого спектакля на гастролью есть своя олая цель: завоевать зрителя, увлечь его малей театр, позвать его к себе в Паневежис в уж там отплатить ему все поаной мерой.

Но бывает, что на пути театра к сельскому зрителю встает преграда, которую ему не преодолеть. Мне рассказывал С. К. Космаускас: «Был я недавно в соседнем Скуолауском районе. Там, в колхозе «Лукия», открылся новый Дом культуры. Оригинальная архитектура здания, просторное фойе, большой зал... А сцена маленькая, оборудование плохо, глубины нет, ширини нет, декорации вбирать некуда. Играть на такой сцене театр не может. На старые клубы вроде бы обжались поздно, но почему же проектировщики новых домов культуры так неадекватны?»

Работа театра на селе — это не благотворительность и не сплаская чисто го энтузиазма, это — «пламенный творчество». Из трехсот спектаклей в год примерно одну треть театр может сыграть в Паневежисе, остальные приходится на гастролью, а том числе и на сельские. Театр играет в деревенских клубах и зимой, когда это не в ущерб спектаклю на основной сцене. Бываи бы только возможность откликнуться на все предложения, и тут же, не привередничая в выборе, театр готов отправиться в путь — дорого хорошее отношение. Для тех

спектаклей, что можно и должно играть на выездях, чисто готовят два варианта оформления, одно из них более компактное, удобное для перевозки, приспособленное к несовершенствам клубных сцен.

Но сцене театра с водем на этом не кончается, она куда многообразнее. Однажды вечером, во время спектакля, я во застал в театре директора (он, кстати, и один из ведущих актеров — случай реалки). Оказалось, что пгидевоадческий совхоз «Стелунай» проводила у себя вечер в форме «голубого огонька» и пригласила на него актеров из «своего» театра. Космаускас поехал к началу, а поздно вечером, после спектакля, куда привезла еще в актеров Д. Банюониса и Х. Кокучишайте. (Это ведь совсем близко, кило, метров амадцать, сказал мне Космаускас так, словно нужно было проехать две-три остановки на городском автобусе). Актеры не так уж редко бываюи в этом совхозе, а совхозные зрители в театре в тою чаще, в вестали разговоров С. Космаускаса о выском предназначении искусства и рассказ Д. Банюониса о его последних зарубежных поездках слушавал с интересом. Вообще вечер, как мне рассказывал, доставлял удовольствие в гостям и хозяевам.

Так же, как «Стелунаем», театр дружит и шефствует над колхозом имени VI съезда КП Литвы. В колхозе «Карсакшкис» С. Космаускас и Х. Кокучишайте руководят драматическим коллективом. В колхозе «Тиеса» театр помог оборудовать сцену нового Дома культуры, коечем поделавшись из своего оборудования и посодерствоваи в приобретении недостающего... Впрочем, с большинством пригородных совхозов и колхозов у театра сложились давние и дружеские связи. К тому же, жителя этих мест его постоянные зрители.

«Обслуживание сельского зрителя». Нет, театр этого не занимается. Эта словесная формула неверна. Обслуживание? Чем, искусством? Ерунда какая-то. Театр не обслуживает, он без зрителя жить не может. И зритель ему отвечает взаимностью. Наверное, поэтому нельзя выделять как нечто особое спектакли для сельских зрителей. И работу для сельского зрителя театр не выделяет, она проходит без громких слов и фанфар — это для него живое, необходимое дело.

А под занавес я хочу рассказать об одном случае и об одной «страшности» Паневежского театра. Ни поала акция, ни в конце спектакля, здесь не принято открывать занавес и актеры не выходят на поклони. Спектакль окончен, занавес закрылся, все остальное уже не имеет отношения к искусству. Ничком алоадикоменты не способны нарушить это правило. Но вот не так давно в Паневежисе собрались колхозники. После совещания они смотрели спектакль и хотела поблагодарить театр за все те добрые дела, что он делает. Говорит, немалых трудов стоило уговорить Милантиниса выйти вместе с актерами на сцену после спектакля — шутки ли, почти потрясение остои!.. Теперь подарок колхозников — модель старинной прялки — стоит в кабинете директора, и, показывая ее мне, Космаускас с каким-то во взрослым уоловльством сказал: «Знаете, она совсем как настоящая, вертится, на ней можно работать... И еще мне рассказал, что Милантинис до сих пор вспоминает хлеб-соль, преподнесенный ему тогда. Он был тогда как акусеи, этот выпеченный в крестьянской печи хлеб... А правило осталось правильным. И мне оно не кажется таким уж странным. Есть немало любителей разовлечь сущую вокруг искусства, творить себе из актеров кумира. Не хочет театр выпустить все это в свои отношения со зрителем.

Ю. ВЛАДИМИРСКИЙ.

г. Паневежис,
Литовская ССР.